

Н.Н. Наседкин

Раскольников

РАСКОЛЬНИКОВ Родион Романович — главный герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», бывший студент; сын Пульхерии Александровны и старший брат Авдотьи Романовны Раскольниковых. В черновых материалах о Раскольнике подчеркнуто: «В его образе выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к обществу. Его идея: взять во власть это общество. Деспотизм — его черта...» Но в то же время, уже по ходу действия, герой этот по отношению к отдельным людям зачастую выступает истинным благодетелем: из последних средств помогает больному товарищу-студенту, а после его смерти и отцу его, спасает двух детей из пожара, отдает семейству Мармеладовых все деньги, что прислала ему мать, встает на защиту Сони Мармеладовой, обвиненной Лужиным в воровстве...

Набросок его психологического портрета накануне преступления дан на первой же странице романа, при объяснении, почему он при выходе из своей каморки-«гроба» не хочет встретиться с квартирной хозяйкой: «Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий взор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, — нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал...» Чуть далее дан и первый набросок внешности: «Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. <...> Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. <...> Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, щекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице...» Еще далее будет сказано о Раскольнике студенческих времен: «Замечательно, что Раскольников, быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. Впрочем, и от него скоро все отвернулись. Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах, ни в чем он как-то не принимал участия. Занимался он усиленно, не жалея себя, и за это его уважали, но никто не любил. Был он очень беден и как-то надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя. Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждениями, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее...» Сошелся он тогда более-менее только с Разумихиным. Разумихин и дает наиболее объективный портрет Раскольникова по просьбе его матери и сестры: «Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд, в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются. Ужасно иногда неразговорчив! Все ему некогда, все ему мешают, а сам лежит, ничего не делает. Не насмешлив, и не потому, чтоб остроты не хватало,

а точно времени у него на такие пустяки не хватает, Не дослушивает, что говорят. Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права на то...»

Романная же жизнь Родиона Романовича Раскольников начинается с того, что он, молодой человек 23 лет, который за три-четыре месяца до описываемых событий оставил учебу в университете из-за недостатка средств и который уже месяц почти не выходил из своей комнаты-каморки от жильцов, похожей на гроб, вышел на улицу в своих ужасных лохмотьях и в нерешимости направился по июльской жаре, как он это назвал, «делать пробу своему предприятию» — на квартиру к ростовщице Алене Ивановне. Дом ее отстоял от его дома ровно в 730 шагах — уже до этого мерил. Он взобрался на четвертый этаж и позвонил в колокольчик. «Звонок брякнул слабо, как будто бы был сделан из жести, а не из меди...» (Звонок этот — очень важная деталь в романе: потом, уже после преступления, он будет вспоминаться убийце и манить к себе.) Во время «пробы» Раскольников отдает за бесценок (1 руб. 15 коп.) доставшиеся ему от отца серебряные часы и обещает на днях принести новый заклад — серебряный портсигар (которого у него и не было), а сам внимательно провел «разведку»: где хозяйка держит ключи, расположение комнат и т. п. Обнищавший студент весь во власти идеи, которую выносил в воспаленном мозгу за прошедший месяц лежания в «подполье» — убить гадкую старушонку и тем самым изменить свою жизнь-судьбу, спасти сестру Дуню, которую покупает-сватает негодяй и барышник Лужин. Вслед за пробой, еще до убийства, Раскольников знакомится в пивной с обнищавшим чиновником-пьяницей Мармеладовым, всей его семьей и, что особенно важно, — с его старшей дочерью Соней Мармеладовой, которая стала проституткой, чтобы спасти семью от окончательной гибели. Мысль, что сестра Дуня, по существу, совершает то же самое (продает себя Лужину), чтобы спасти его, Родиона, стала последним толчком — Раскольников старуху-процентщицу убивает, при этом — так получилось — зарубил и сестру старухи Лизавету, ставшую невольным свидетелем. И этим заканчивается первая часть романа. А затем следуют пять частей с «Эпилогом» — наказания. Дело в том, что в «идее» Раскольникова кроме ее, так сказать, материальной, практической стороны, за месяц лежания и обдумывания окончательно прибавилась-вызрела и теоретическая, философская составляющая. Как позже выяснится, Раскольников написал однажды статью под названием «О преступлении», которая за два месяца до убийства Алены Ивановны появилась в газете «Периодическая речь», о чем сам автор и не подозревал (он отдавал совсем в другую газету) и в которой проводил мысль, что все человечество делится на два разряда — людей обыкновенных, «тварей дрожащих», и людей необыкновенных, «Наполеонов». И такой «Наполеон», по рассуждению Раскольникова, может дать разрешение себе, своей совести, «перешагнуть через кровь» ради большой цели, то есть имеет право на преступление. Вот Родион Раскольников и поставил сам перед собою вопрос: «Тварь я дрожащая или право имею?» Главным образом для ответа на этот вопрос он и решился на убийство мерзкой старушонки.

Но наказание начинается даже в самый момент преступления. Все его теоретические рассуждения и надежды в момент «перешагивания черты» быть хладнокровным летят к черту. Он настолько потерялся после убийства (несколькими ударами обухом топора по темени) Алены Ивановны, что даже не в состоянии оказался грабить — начал хватать рублевые закладные серьги и колечки, хотя, как потом выяснилось, в комодке на самом виду лежали тысячи рублей наличными. Затем произошло неожиданное, нелепое и совсем уж лишнее убийство (острием топора прямо по лицу, по глазам) кроткой Лизаветы, которое разом перечеркнуло все оправдания перед собственной совестью. И начинается с этих минут для Раскольникова кошмарная жизнь: он тут же из «сверхчеловека» попадает в разряд гонимого зверя. Разительно меняется даже его внешний портрет: «Раскольников <...> был очень бледен, рассеян и угрюм. Снаружи он походил как бы на раненого человека или вытерпывающего какую-нибудь сильную физическую боль: брови его были сдвинуты, губы сжаты, взгляд воспаленный...» Главный «охотник» в романе — пристав

следственных дел Порфирий Петрович. Именно он, изматывая психику Раскольниковых разговорами, похожими на допросы, все время провоцируя на нервный срыв намеками, подтасовкой фактов, скрытой и даже откровенной издевкой, вынуждает-таки его сделать явку с повинной. Впрочем, главная причина «сдачи» Раскольниковых в том, что он и сам понял: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!..» К слову, мысль о самоубийстве навязчиво преследует Раскольниковых: «Или отказаться от жизни совсем!..»; «Да лучше удавиться!..»; «...а то лучше уж и не жить...» Этот навязчивый суицидальный мотив звучит в душе и голове Раскольниковых постоянно. И многие из окружающих Родиона людей просто уверены, что его одолевает тяга к добровольной смерти. Вот простоватый Разумихин наивно и жестоко пугает Пульхерию Александровну с Дуней: «...Ну как его одного теперь отпускать? Пожалуй, утопится...» Вот кроткая Соня мучается страхом за Раскольниковых «при мысли, что, может быть, действительно он покончит самоубийством»... А вот уже и хитроумный инквизитор Порфирий Петрович сначала намекает в разговоре с Родионом Романовичем, мол-дескать, после убийства иного слабонервного убийцу иногда «из окна али с колокольни соскочить тянет», а потом уже и прямо, в своем отвратительном ерническо-угодническом стиле предупреждает-советует: «На всякий случай есть у меня и еще к вам просьбица <...> щекотливенькая она, а важная; если, то есть на всякий случай (чему я, впрочем, не верую и считаю вас вполне неспособным), если бы на случай, — ну так, на всякий случай, — пришла бы вам охота в эти сорок-пятьдесят часов как-нибудь дело покончить иначе, фантастическим каким образом — ручки этак на себя поднять (предположение нелепое, ну да уж вы мне его простите), то оставьте краткую, но обстоятельную записочку...» А вот Свидригайлов (двойник Раскольниковых в романе) даже вдруг (вдруг ли?) предлагает студенту-убийце: «Ну застрелитесь; что, аль не хочется?..» Уже перед собственным самоубийством Свидригайлов все продолжает думать-размышлять о финале жизни-судьбы своего романного двойника. Передавая Соне деньги, он выносит приговор-предсказание: «У Родиона Романовича две дороги: или пуля в лоб, или по Владимирке [то есть на каторгу]...» Практически, как и в случае со Свидригайловым, читатель, по воле автора, задолго до финала должен подозревать-догадываться, что Раскольников, может быть, кончит самоубийством. Разумихин только предположил, что товарищ его, не дай Бог, утопится, а Раскольников в это время уже стоит на мосту и всматривается в «темневшую воду канавы». Казалось бы, что в этом особенного? Но тут на его глазах бросается с моста пьяная нищенка (Афросиньюшка), ее тут же вытащили-спасли, а Раскольников, наблюдая за происходящим, вдруг признается сам себе в суицидальных мыслях: «Нет, гадко... вода... не стоит...» А вскоре совершенно в разговоре с Дуней брат и открыто признается в своей навязчивой идее: «...Видишь, сестра, я окончательно хотел решиться и много раз ходил близ Невы; это я помню. Я хотел там и покончить, но... я не решился... <...> Да, чтоб избежать этого стыда, я и хотел утопиться, Дуня, но подумал, уже стоя над водой, что если я считал себя до сей поры сильным, то пусть же я и стыда теперь не убоюсь...» Однако ж Раскольников не был бы Раскольниковым, если бы через минуту не добавил с «безобразною усмешкою»: «А ты не думаешь, сестра, что я просто струсил воды?..»

В одной из черновых записей к роману Достоевский наметил, что Раскольников в финале должен застрелиться. И здесь параллель со Свидригайловым проглядывает совершенно ясно: он, как и двойник его, отказавшись от позорно-«женского» способа самоубийства в грязной воде, должен был бы, скорее всего, также случайно, как и Свидригайлов, достать где-нибудь револьвер... Очень характерен и психологический штрих, который автор «подарил» герою из собственных жизненных впечатлений — когда Раскольников окончательно отказывается от самоубийства, происходящее в его душе описано-передано так: «Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение...» Вполне логически обоснована переключка предсмертных мыслей Свидригайлова и каторжных

размышлений Раскольниковов друг о друге. Студент-убийца, как и помещик-самоубийца, не верит в вечную жизнь, не хочет веровать и в Христа. Но стоит вспомнить сцену-эпизод чтения Соней Мармеладовой и Раскольниковым евангельской притчи о воскресении Лазаря. Даже Соня удивилась, зачем Раскольников так настойчиво требует чтения вслух: «Зачем вам? Ведь вы не веруете?..» Однако ж Раскольников болезненно настойчив и затем «сидел и слушал неподвижно», по существу, историю о возможности своего собственного воскрешения из мертвых (ведь — «Я себя убил, а не старушонку!»). В каторге он вместе с другими кандалными сотоварищами ходит в церковь во время великого поста, но когда вдруг вышла-случилась какая-то ссора — «все разом напали на него с остервенением» и с обвинениями, что он «безбожник» и его «убить надо», — один каторжник даже бросился на него в решительном исступлении, однако ж Раскольников «ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта лица его не дрогнула...» В последнюю секунду конвойный встал между ними, и смертоубийства (самоубийства?!) не произошло, не случилось. Да, практически — самоубийства. Раскольников как бы хотел-желал повторить самоубийственный подвиг ранних христиан, добровольно принимавших смерть за веру от рук варваров. В данном случае каторжник-душегуб, по инерции и формально соблюдающий церковные обряды и по привычке, с детства, носящий на шее крест, для Раскольниковов, как бы новообращающегося христианина, — в какой-то мере, действительно, варвар. А что процесс обращения (возвращения?) ко Христу в душе Родиона неизбежен и уже начался — это очевидно. Под подушкой его на нарах лежит Евангелие, подаренное ему Соней, по которому она читала ему о воскресении Лазаря (и то самое, стоит добавить, что лежало в каторге под подушкой у самого Достоевского!), мысли о собственном воскресении, о желании жить и веровать — уже не оставляют его...

Раскольников, сожалея на первых порах обитания в остроге, что не решился казнить себя по примеру Свидригайлова, не мог не думать и о том, что ведь не поздно и даже предпочтительнее сделать это в остроге. Тем более — каторжная жизнь, особенно в первый год, казалась для него (надо полагать — и для самого Достоевского!) совершенно невыносимой, полной «нестерпимой муки». Тут, конечно, и Соня со своим Евангелием роль сыграли, удержали его от самоубийства, да и гордость-гордыня еще управляла его сознанием... Но не стоит сбрасывать со счетов и следующее обстоятельство, чрезвычайно поразившее Раскольниковов (а в первую очередь — самого Достоевского в его начальные каторжные дни и месяцы): «Он смотрел на каторжных товарищей своих и удивлялся: как тоже все они любили жизнь, как они дорожили ею! Именно ему показалось, что в остроге ее еще более любят и ценят, и более дорожат ею, чем на свободе. Каких страшных мук и истязаний не перенесли иные из них, например, бродяги! Неужели уж столько может для них значить один какой-нибудь луч солнца, дремучий лес, где-нибудь в неведомой глуши холодный ключ, отмеченный еще с третьего года и о свидании с которым бродяга мечтает, как о свидании с любовницей, видит его во сне, зеленую травку кругом его, поющую птичку в кусте?..»

Окончательное возвращение Раскольниковов к христианской вере, отказ от своей «идеи» происходит после апокалиптического сна о «трихинах», заразивших всех людей на земле стремлением к убийству. Спасает Родиона и жертвенная любовь Сони Мармеладовой, последовавшей за ним на каторгу. Во многом она, подаренное ею Евангелие заражают студента-преступника непреодолимой жаждой жизни. Раскольников знает, что «новая жизнь не даром же ему достается», что придется «заплатить за нее великим будущим подвигом...» Мы никогда не узнаем, какой великий подвиг совершил в будущем удержавшийся от самоубийства и воскресший к новой жизни Раскольников, ибо «нового рассказа» о его дальнейшей судьбе, как было намеком обещано автором в финальных строках романа, так и не последовало.

Фамилия главного героя двузначна: с одной стороны, раскол как раздвоение; с другой — раскол как раскольничество. Фамилия эта и глубоко символична: недаром преступление «нигилиста» Раскольниковов берет на себя раскольник Николай Дементьев.